

Галина СЕМЕНОВА

СОЦИАЛЬНО - ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕННЫХ КОМПОЗИТОВ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Мақалада чуваш тiлiндегi есiмдiк композиталардың қалыптасуының әлеуметтiк-тарихи негiздерi және қолданысы қарастырылады. Оның iшiнде негiзгiсi адамның танымдық қызметiне байланысты заттар мен құбылыстарды нақтылау және жүйелеу қажеттiлiгi болып табылады.

Makalede Çuvaş dilinde eğitimin sosyal-tarihî etkenleri ve ad bileşimleri kullanımı ele alınmıştır, ki bunların esas olanı; insanların nesne ve olguları netleştirme ve tasnif etmeye bağlı algılama eylemleri sayılmaktadır.

Лексика – сфера языка, наиболее непосредственно связанная с внешним миром, окружающим человека. Вся познавательная деятельность человека закрепляется прежде всего в словах-названиях. Пополнение словарного состава новой лексикой вызывается двумя рядами факторов: 1) экстралингвистическими, т. е. лежащими за пределами языковых закономерностей и 2) лингвистическими. Прежде всего мы рассмотрим социально-исторические факторы образования и употребления именных композит в чувашском языке.

Среди именных композит чувашского языка определенное место занимают парные слова с компонентами, утратившими лексические значения: юмăç-тёрёç «ворожеи, знахари» (в чув.яз. первый компонент самостоятельно не употребляется); хыпар-хăнар «слухи вообще» (в чув.яз. первый компонент употребляется со значением «новости, известия», а второй компонент самостоятельно не встречается); савăт-сапа «посуда вообще» (в чув.яз. первый компонент употребляется со значением «тара, посуда для чего-либо», а второй компонент самостоятельно не встречается). Таких примеров можно привести не один десяток. При этимологическом анализе удается восстановить значения многих (но не всех!) затемненных компонентов. При анализе также выясняется, что это образования древнейшего происхождения, когда-то в далеком прошлом они употреблялись как лексические единицы с полной мотивирующей семантикой. Многие языковеды, в том числе и Т.Г.Дегтярева, полагают, что здесь имеет место ряд социально-исторических и психологических факторов. Первой и главной является, по ее мнению, смешение языков родственных племен и народов: «Эти парные сращения возникают в эпоху межплеменных контактов, когда создается необходимость использовать разноплеменную, а иногда разноязычную лексику с целью сделать высказывание понятным для «носителей разных родственных языков» [1. 136].

Дальнейший путь развития новых типов композит также обусловлен потребностями человека в процессе трудовой и познавательной деятельности конкретизировать, детализировать, классифицировать предметы и явления. Язык в таких случаях не прибегает к созданию новых знаков для обозначения фактов объективной действительности, а, как правило, пользуется своими внутренними ресурсами или придает новый смысл уже имеющимся в языке словам или словесным комплексам, или создает различные комбинации единиц в соответствии с существующими в языке закономерностями и их интеграции.

Далее остановимся на именных композитах, образованных по структурной схеме первого изафета. «Структурное строение его очень простое. Путем агглютинации, т. е. постановки одного существительного возле другого существительного (соположения) возникает их подчинительная связь, где первый член является атрибутивным, а второй – субстантивным» – отмечает известный тюрколог-чувашевед М.Р.Федотов [2. 12].

Преобладающее большинство композитных образований данного типа прочно утвердилось в стабильной общенародной и общеупотребительной лексике. Многие из них представляют собой терминологическую лексику самого различного профиля: конкретные наименования предметов (*акатус*, *суханус* «старинный плуг», *сълкус* «источник, родник», *пъртум*, *алкум* «крыльцо», *турум* «божница», *кăкър ум* «передняя часть женской рубашки, вышитая из разноцветных полосок»); названия различных понятий, связанных с этнографией и историей народа (*сарпус* «воевода, полководец», *ял пус* «деревенский воротила, староста, председатель», *тирѣк пус* «глава блюда, главный за столом», *тырă пус* «название моленья после полевых работ», *кѣлтеси* «время сноповодки», *акаси* «время весенней пахоты и сева»); названия представителей растительного и животного мира (*чавга пус* «клевер», *ама кишѣр* «морковь с мягкой сердцевиной», *аса кишѣр* «морковь, у которой корнеплод сразу в первый год дает стрелку семенами», *супахай* «подлещик», *хырай* «название гриба», *сум курăк* «сорная трава», *сул курăк* «подорожник», *мур курăк* «название растения», *шърчăк курăк* «герань луговая») и т. д.

Широкое распространение атрибутивных композитов почти во всех языках и препозицию детерминирующего члена при этом известный австрийский лингвист и психолог К.Бюлер объясняет с психологической точки зрения: «Изначальная позиция генитива во всех языках – это его препозиция. Психологически неизбежно она возникает вследствие того, что генитив представляет собой при образовании понятий (вещевого различия) до сих пор неизвестное, и теперь новое, позволяющее сформировать из какого-то уже знакомого понятия, некоего «рода», какой-нибудь новый «вид», привлекая к себе внимание в первую очередь именно как новое, генитив произносится сначала, раньше, чем «управляющее» им существительное в номинативе, представляющее род и в таком качестве уже знакомое» [3. 302].

Продуктивным для исследуемого языка является и словосложительный тип, восходящий к структурной схеме второго изафета, предполагающий оформление второго компонента аффиксами притяжательности третьего лица единственного числа *-ё, -и*. Как показывают наблюдения, самыми древними в этой группе образований являются названия божеств, старинных праздников и обрядов: *хёвел аишиё, хёвел амәише, сёр аишиё, сёр амәише, тур амәише, уй тури, шыв пүлехси, вут ами* «названия божеств»; *вәкәр чүкё, утә чүкё, ёне ырри, хёр йёрри, хёр яшки, хёр сәри, тимёр чёлхи* «названия древних праздников и обрядов». Весьма многочисленны в данной группе образований и названия представителей животного и растительного мира: *упа сарри* «папоротник», *кәшкар ути* «щавель», *серси тырри* «костер безостый», *йыт пулли* «головастик», *шыв вәкри* «выпь», *пилеш курәкё* «пижма», *вир курәкё* «timoфеевка», *вёлле хурчё* «пчела» и т. д.

Следует далее заметить, что эти словосложительные типы, генетически восходящие по своему строению к первому и второму изафетам, находят аналогию на уровне живого синтаксиса современного чувашского языка. Фактический материал свидетельствует, что путем постановки одного существительного возле другого создается множество именных сочетаний, функции и значения первых компонентов в которых могут быть разнообразными: *сәм алшии* «шерстяная варежка», *юман каска* «дубовая колода», *пустав халат* «суконный кафтан», *хәма чей* «плиточный чай», *эстрада юрри* «эстрадная песня», *пушар пусми* «пожарная лестница», *поэзи касё* «вечер поэзии», *исём эрехё* «виноградное вино» и т. д. Природу этого явления чувашский исследователь М.Ф.Чернов объясняет следующим образом: «Второй тип изафета пригоден для номинации различных общественно-политических и научно-технических понятий. Изафету второму по природе свойственна классифицирующая, дифференцирующая функция: он более всего связан с обозначением класса категории предметов, явлений» [4. 103 – 104].

Бесспорно, в этих случаях новообразования включаются в открытые тематические ряды слов, допускающие дальнейшее бесконечное пополнение этих рядов. Новые поступления всегда возможны, особенно они дополняют терминологическую номенклатуру. Это ярче всего можно проиллюстрировать на примере так называемых интернациональных терминов. Интернациональный метод создания слов из морфем классических языков – греческого и латинского – был наиболее активен в течение второй половины XIX века в европейских языках, в подавляющем большинстве в индоевропейских. Коснулось это и тюркских языков, в том числе и чувашского. Вот пример именных композит позднейшего образования, названных в лингвистической литературе разными терминами (словами-кальками, словами-гибридами, интернациональными единицами): *авточупу* «автогонки», *радиоыхпар* «радионовость», *радиопулев* «радиопередача», *телекурав* «телевидение», *телеюрә* «телепесня»,

телехупах «телеигра», телепике «телемисс», гиперсасă «гиперзвук», аэросуна «аэросани», радиохум «радиоволна», радио֫сыхăну «радиосвязь», фотохаçат «фотогазета», электропăчка «электропила», электронасус «электронасос», электрокăмака «электропечка» и т. д.

Чтобы новая единица языка – новая морфема или новое слово, какими бы путями она ни пришла в язык, приобрела в нем известные права гражданства, она должна быть «принята» носителями языка, освоена ими, т. е. она должна регулярно использоваться в определенных контекстах и ситуациях.

Пополнение словаря происходит и на базе группового массового словотворчества отдельных социальных групп, групп совместного проживания, групп, объединенных общими интересами и т.п. Но оно всегда подготовлено социально-языковыми потребностями и условиями и протекает в русле принципов национального словообразования. В словотворчество активно вовлекается лексика, а также и модели словообразования. В этом плане весьма интересный материал преподнес нам изучение именных композит в этнографических очерках Г.Т.Тимофеева «Тăхăрĕял» (Чебоксары, 2002).

Данный сборник представляет собой подробное описание истории местного края (междуречья Свияги и Волги) на материале исторических преданий, легенд, исторических документов, описание материальной культуры, хозяйственного уклада, труда и быта населения, представлений крестьянина-чуваша о внешнем и внутреннем мире, религиозно-культурных обрядах и обычаях, начиная от рождения человека и кончая его смертью. «Этот почти фотографический слепок всех сторон жизни чувашской деревни 90-ых годов представляет большую познавательную ценность в изучении культуры и быта дореволюционного прошлого Чувашии», – подчеркивает М.Я.Сироткин [5. 113].

Здесь же отмечается и своеобразие языка произведения: «Особо интересны слова-реликты и историческая топонимика и номография, представляющие большую ценность для воссоздания истории языка и материальной культуры прошлого чуваш, уяснения специфики социальных событий различных периодов общественного развития...» [5. 111].

Именные композиты встречаются в большом количестве на каждой странице произведения. Это и удвоенные образования (повторы), и парные слова, и композиты, образованные на основе подчинительных отношений компонентов, и топонимические названия. Для иллюстрации возьмем два небольших абзаца из текста произведения и подчеркнем в них композитные образования:

«Çапла ыра-аван кӳрше пулать, ыра-аван кӳршӗрен-аршӑран ыра-аван кас, лайӑх касран ыра ял пулать. Çавӑнпа чӑваш хӗр парас – хӗр илес тӗлӗшпе ял-ялне питӗ аставать. «Сын ял хавалёпе пуранать», тет. Элшелин

ана-саран йышлипе, шывё-шурё ҫываххипе – выльах-чёрлөх, хур-кавакал усраççё. Валь пулсан, тырă пулсан, пирён чаваш пуян вара. Үсекен-ҫитёнекен хёрсене: «епле пулсан та, «яла кай» теççё, «хамар яланах варманё те ҫывахра, шывё-саранё те пур, хур-кавакал та үстерен», теççё» (с. 93) (подчеркнуты парные образования);

Чёлхесем: тимёр чёлхи, вут чёлхи, тум хаяр чёлхи, сын ҫилли чёлхи, хирёç хаяр чёлхи, аншартран вёрес, сын туса панинчен вёрес, аншарт хытти, сивё хытти, кёлё хытти; вилё хытти (вилё тытнаран пулать); вилём хытти (вилме тытансан суллахай енчен тапранать); кёлё хытти (турапа калашнинчен пулать)» (с. 185) (подчеркнуты двух- и трехкомпонентные изафетные образования).

Парные образования составляют подавляющее большинство, они представлены здесь тремя основными типами (синонимичными, антонимичными, ассоциативными): чул-тимёр «камень-железо», шурлаҳ-хавалаҳ «топкие, непроходимые места», хуме-хуралта «двор», сухапуçсем-сүресем «плуг и тому прочее», шерте-кашта «изгородь и тому прочее», варҫа-түпелешү «вздоры, ссоры», чакат-пүремес «молочно-мучная пища», ҫапати-каҫатти «самодельная обувь», куланай-парам «поборы», аппашсем-тетешсем «старшие родственники», ашне-шартанне «мясные продукты» и т.д. В составе парных слов встречаются компоненты русского происхождения: чиркү-манастирсем «церкви-монастыри», шанкух-премёк «сладости», старости-сутникё «местная власть», уретникё-теçетникё «урядники-десятники», тухтар-хёвершал «доктора и фельдшеры», праçникё-саванәçесем «праздники и тому прочее», премёк-кёлинтар «сладости», паçана-анкарти «бузина-акаци».

Особо следует подчеркнуть обилие образований с компонентом -мён (-мёнё), при этом данный компонент встречается в разных формах, чаще всего с разными падежными аффиксами: усал-мён ҫаклансан; ҫанах-мён авартас телёшрен; юпа-мён те ларса юлман; ҫака ҫулҫи-мён улахтараççё; мухмар шүрпи-мён; вут-кавар-мён; юпа шатак-мён алтма; эрех ёçү-мён ҫукчё; пурта-çёçё-мён таврашё; кашкар-мён-тёр и т. д.

аша-мёне хирёçтерет; киле-мёне шурă старик пырса кёрсен; уявне-мённе тунă ҫёрте; экзамене-мёне; хыçала-мёне; вут тухнине-мёне; хапхине-мённе; пүрт умне-мёне; вырасёсене-мёнсене;

усалтан-мёнтен тасалма; утилен-мёнтен; анкартисенчен-мёнсенчен; ҫирём ҫухрамран-мёнтен иртсесён;

ҫуркуннепе-мёнпе; праçник йёркипе-мёнпе; хёрарамёпе-мёнёпе; хёрё-мёнёпе тытанса; пёр-пёр сальтавпа-мёнпе;

образования с топонимами: Чёмпёртен-мёнтен; Сүнтёкелле-мёнелле тухкаласа кайкалаççё; Кашана-мёне; Чёмпёрелле-мёнелле; Упие-мёне кайса илет; Куславкканалла-мёнелле;

Именных композит, образованных по структурной схеме первого и второго изафета, встречается в большом количестве. Это названия –

наименования различных предметов, термины родства; различные понятия, связанные с этнографией и историей народа, которые ярко характеризуют жизнь, быт, нравы чуваш, описываемых автором. Приведем наиболее интересные, на наш взгляд, образования:

1) модель «существительное + существительное» (I изафет): ят пай (ят пай çаранĕсем, ят пай ути); сĕт кÿлĕ; ахăр самана; вилтуй (хĕвеллĕ çумăр); тавра ял, тавра тĕнче; тул карта; хĕлĕх хÿре; вырăс кум, майра кума; çеçтенкĕ; çип чăлха; йĕтес (етес) тус; тил çĕлĕк; кăр ала; лап çĕр; вырсарни çĕр, тунти çĕр; пике сурпан, хăрхăн сурпан; хур сухал; шел явлăк; куç хĕсÿ; çаптаркă кĕпе и т. д.

2) модель «существительное + существительное с притяжательным аффиксом -ĕ (второй изафет): кил çĕленĕ; масар пуçĕ; çăпан амăшĕ; чечек амăшĕ; кăрчанкă амăшĕ; тырă амăшĕ; шуйттан амăшĕ; чечек тарĕ, чечек хаярĕ, чечек синкерĕ; сурта кунĕ; спурнай пасарĕ; чăваш калăмĕ; хĕр хулăнĕ и т. д.

Следует добавить, что среди образований этого типа часто встречается слово «таврашĕ» в качестве второго компонента: пир таврашĕ, тăла таврашĕ, пушмак-атă таврашĕ; çавраçил таврашĕ; купăста таврашĕ; автан-чăхă таврашĕ; арпус-кулаç таврашĕ; хăмаç çип таврашĕ; шÿпке таврашĕ (пулă); çамрăк таврашĕ; юрă-сăвă таврашĕ; ял таврашĕ; пура таврашĕ; апат-çимĕç таврашĕ; юсман-йăвача таврашĕ; хĕр кÿми таврашĕ;

3) модель «существительное + существительное с притяжательным аффиксом -и» (второй изафет): аншăрт ути; хаяр çырми; шыв чăххи (кăвакал); кил ĕййи; карта кĕтÿçи; кил шăпи; хур шатри; ашă шатри; кашкăр патши, упа патши, юман патши; кăвак хуппи; çĕр çути; çил ачи; арçын улачи (тăрăх улача), хĕрарăм улачи (урлă улача); чапруш тĕрри, пăрça тĕрри; çаптаркă çиппи; шуйттан вăййи; тутар вăййи; çын юлашки; ял çумми; вырăс тутри и т. д.

Среди образований этого типа своей частотностью выделяются названия обрядов, празднеств: учук сăри (праздник в честь жертвоприношений); кума кĕпи (праздник в честь крещения); парне яшки, йĕтес ĕçки, улах пăтти (дружеские застолья); çĕн çул пăтти (праздник в честь нового года); калăм пăтти (праздник в честь пасхи); хĕр эреххи, хулăн укçи, кĕрÿ кĕпи, çĕнçын салми (свадебные обряды) и т. д.

4) сочетания прилагательного с существительным: аш пил, хаяр куç, ашă çимĕç, çĕнĕ уйăх, кивĕ уйăх, тип çырма (васан); мăн кĕрÿ, аслă çул (Мускав çулĕ); хура ура, шурă ура; таса вырăн (кĕлĕ тумалли вырăн); ыра вырăн; тикки хир (çын çÿремен хир, тикки «дикий» сăмахран пулнă); хыт суха; хура хутаç (майăр йышши çимĕç); уйăх шурă тулли (уйăх тулнă хыççанхи иккĕмĕш каç); уйăх хĕрлĕ тулли (уйăх тулса çитнĕ каç);

5) сочетания с числительными: уйăх саккăрĕш; уйăх тăххăрĕш; çичĕ хĕçĕ; саккăр хĕçĕ; улттă хĕçĕ; вуниккĕ хĕçĕ; вуннă та пилĕк сум хĕçĕ; пĕр вуна; икĕ вуна; виçĕ вуна; пĕр сум; икĕ сум; пĕр сурăм; сăрккавушка эрех; улттă е çичĕ пирĕ (улттă е çичĕ вунăран тĕртнĕ пир; пĕр вунăра 60 пĕрчĕ çип). Топонимы представлены в основном описанными нами выше тремя типами подчинительных композит:

1) модель «существительное + существительное»: Патша ҫалтӑр, Ала ҫалтӑр, Кӗвенте ҫалтӑр, Шурӑмпущ ҫалтӑр, Юкӗл, Тарканпущ, Еш тӗп, МалайКарт, Хурӑнвар, Чӑваш Тӑрӑм и т. д.;

2) модель «существительное + существительное с притяжательными аффиксами -ӗ, -и»: Арманкасси, Часавникасси, Спурнай пасарӗ, Шатрун касси, Раккасси, Урттехви касси, Хурӑнвар ҫырма, Сурӑх каҫси, ,не каҫси шывӗ, Чарман кӗлли, Шем ҫырма, Чӑпӑрлӑ тӑвӗ, Чӑваш Таяпи, Тутар Чураппанӗ и т. д.;

3) модель «имя прилагательное + имя существительное»: Пуянкас, Ҫӗнӗ кас, Кивҫурт, Аслӑ Лачака, Кӗҫӗн Лачака, Кукӑр кӗл, Йӗре кӗл, Кивьял, Начар Уписем, Вӑрӑмхӑва, Аслӑ Таяпа, Ҫӗнӗ Чӑнлӑ, Ҫӗнӗ Мертлӗ, Кивӗ Мертлӗ, Сивӗшыв и т. д.

Таким образом, с помощью законов словообразования осуществляется строительство слов из отдельных словообразовательных элементов (основ и морфем). Эти же законы определяют и словообразовательные модели.

Слова приобретают новые формы и категории потому, что социально-экономические условия и соответственно им развивающееся мышление требуют этого. Новые предметы и понятия, возникшие и возникающие в процессе развития общества и мышления людей с неумолимой необходимостью нуждаются в выражении в языке. Именно этот закон и является движущим моментом в развитии новых функций, значений разных типов сложных слов и в чувашском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дегтярева Т.А. Пути развития современной лингвистики. – М., 1964.
2. Проблемы словосочетаний в тюркских языках: Материалы научной сессии. – Чебоксары, 1975.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем. – М., 2000.
4. Чернов М.Ф. К вопросу о структурно-семантической классификации и образовании составных терминов современного чувашского языка // Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. – Чебоксары, 1979. – Вып. 87. – С. 93 – 125.
5. Сироткин М.Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. – Чебоксары, 1967.

RESUME

Semenova G. (Cheboksary)

Socio – historical factors of formation and using of nominal composs in the Chuvash Language.

The article touches upon the socio – historical factors of formation and using of nominal composes in the Chuvash Language, the main of them is the need of man in his cognitive'activities to concretize and classify objects and phenomenon.